

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ В РОМАНЕ ЕВГЕНИЯ ВОДОЛАЗКИНА „ЧАГИН“

Антония Пенчева

Университет за национално и световно стопанство

Резюме. В статье рассматривается роль и функция поэтических текстов для создания образной характеристики персонажей в романе „Чагин“ Евгения Водолазкина. Исследование выполнено в русле метода сопоставительного анализа перевода. Рассмотрены переводческие приемы по отношению к стихотворным отрывкам и рифмованных фраз. Внимание фокусируется на выбранных автором поэтических размерах в целях воплощения доминантных мотивов романа *память – забвение – покаяние* и их переводе. Анализ показывает, что перевод подчинен авторскому замыслу при выявлении особенностей феноменальной памяти главного персонажа и механизмов запоминания поэтических текстов.

Ключевые слова: поэтический текст; перевод; рифма; гекзаметр; Чагин; Водолазкин

Поэтика романов Евгения Водолазкина весьма своеобразная и многообразная. В языке его романов вплетаются и церковнославянские архаизмы, и старомодно-канцелярский стиль, и жаргонные слова, и неявные библейские цитаты или цитаты житийных сочинений, и пословицы или поговорки, и рифмованные фразеологизмы, и поэтические тексты. В данной статье попытаемся обобщить приемы, применяемые при переводе различных по виду поэтических или рифмованных текстов.

В „Чагине“ автором предпринята интересная повествовательная перспектива – внешняя фокализация (focalization externe). По Жерару Жанетту, повествование „извне“ ведется с точки зрения объективного нарратора, не имеющего доступа в сознание персонажа. В романе повествование ведется от имени четырех очень разных рассказчиков: молодой архивист Мещерский, который разбирает записки Чагина в его Дневнике; кгбешник Николай Иванович, в чьем описании, оказывается, очень много вымысла или „мифа“ в широком понимании Евгения Водолазкина; комедиант и актер эстрады Эдвард Григ, который на долгие годы стал одним из немногих друзей Исидора

Чагина; молодая девушка Вера, случайная соседка Чагина, воссоединившая Веру и Исидора. Каждый из них описывает субъективно главного персонажа. Разные „взгляды“ на образ Чагина приближают читателя к нему, он становится „многомерным“, „выпуклым“, интригующим читателя.

Средством построения focalization externe повествования становятся и поэтические тексты. В романе стихотворные фрагменты активно участвуют в создании художественных образов и главного, и второстепенных персонажей. Вплетение поэтических текстов в нарратив отнюдь не самоцельно. К задачам автора, по нашему мнению, относится создание индивидуальной образной характеристики – благодаря разнообразным поэтическим приемам осуществляется рассказ о различных эпизодах жизни персонажей.

Зарифмованные и поэтические тексты в текстуре романа бывают самыми разнообразными: от коротких стихов или афоризмов до длинных лирических отрывков. Эти элементы служат определенным задачам автора, придавая тексту романа эмоциональный резонанс, глубину и образность.

Структурно роман делится на четыре части. В первой, наиболее обширной, повествование ведется от имени молодого сотрудника архива, лично знакомого с Исидором Чагиным в последний период его жизни. По дневниковым запискам он конструирует детство и школьные годы Исидора. Обрисовывая образ Чагина-школьника, влюбившегося в свою одноклассницу, автор дневника применяет прием рифмования, как в примере: *такие пары дружно высмеивались как жених и невеста, при этом рифмы ради упоминалось место*. Для близкого по звучанию и воздействию перевода в данном случае пришло на помощь родство языков, которое позволило сохранить лексическую эквивалентность: *на такива двойки дружно се подигравали като жених и невеста, като заради римата често се споменавала и думата место*.

Создавая образ Чагина-мнемониста, автор романа акцентирует на особенности его памяти, точнее на механизмы запоминания, которые включают цвет, запах, музыку, образ, ассоциативные связи, фон. В этот набор средств включаются и омонимы, которые имеют не менее важное значение в алгоритме запоминания. В примере ниже паронимы совпадают по звучанию с болгарскими, а по лексическому значению – близки. При передаче *девичьей косы* в переводе на болгарский добавлено определение:

Так, коса как сельскохозяйственный инструмент отличалась им от девичьей косы только после определенного умственного усилия.

Така например косата като земеделски инструмент била разграничена от него от сплетената коса на девойка едва след известно умствено усилие.

Однако с паронимами, не имеющими эквивалентов в болгарском языке, таких как *клубы* и *клубы*, *замок* и *замок* пришлось поступить по-другому. В целях сохранения авторского замысла и функции омонимов в механизме запоминания нужно было подыскать пару омонимов в своем языке – *вълна* и *вълна*, *пара* и *пара* – и произвести соответствующую адаптацию текста.

Концептуальная для романа дилемма *память – забвение* несет одно из основных посланий автора. Жизнь главного героя протекает между этими двумя полюсами человеческого сознания. В романе с памятью связана реальность (дневник Чагина), а с забвением – вымысел (операция „Биг Бен“ Николая Ивановича и поэма „Одисей“). Ключевым свойством памяти Чагина является высокая степень образности, вызываемая поэтическими текстами. Запоминая стихи, герой создает ассоциативный образ. Механизм запоминания стихов главным персонажем иллюстрирует ассоциативную образность его уникальной памяти. Конкретное слово рефлектирует в определенном образе. „Образ в его сознании, – писал Спицын, – формирует и ведет мысль“ (Vodolazkin 2022, p. 101). Для иллюстрации образных ассоциаций в сознании Чагина писатель привлекает фрагменты стихов известных русских поэтов. Главная задача переводчика состояла в том, чтобы подобрать такой вариант на болгарском языке, который передавал бы ключевым словам, использованным в прозаическом тексте.

Перевод стихотворных текстов требовал применения нескольких приемов. Нередко возможно было использовать официально опубликованные переводы с указанием имени переводчика. К примеру:

Здороваешься с Пушкиным по утрам? С Пушкин ли се здрависваш сутрин?
Наша бедная лачужка... „*В нашта схлупена къщурка...*“

(А. С. Пушкин. Зимний вечер.) (в переводе Красимира Георгиева)

Выткался на озере алый свет зари.

Езеро, извезано с алены зора.

На бору со звонами плачут глухари.

Плачат пак глухарите в звънката гора.

(С. Есенин)

(в переводе Кирилла Кадийского)

Некоторые переводы известного болгарского поэта Кирилла Кадийского оказались весьма подходящими, передающими образ оригинала. „При стро-

ках *Дыша духами и туманами* незнакомка прикладывалась к чему-то вроде кислородной подушки.“ (Vodolazkin 2022, p. 102). В некоторой степени перевод *И сред мъги и сред ухания* передает образ, вызываемый у Чагина. Очень адекватные „анатомические образы“ в сознании Чагина создает и перевод К. Кадийского стихов Маяковского „Облако в штанах“:

У меня в душе ни единого седого волоса.

Бял косъм нямам в душата си аз.

или

Улица корчится безъязыкая.

Улицата се гърчи безезична.

Апокалиптическую картину хрипло дышащих небес у Чагина вызывал стих Пушкина *Уж небо осенью дышало*. Подходящим для этой картины среди нескольких возможных вариантов оказался перевод Николая Хрелкова *Небето вече диха есен*.

Как было упомянуто выше, при переводе поэтических текстов стояла задача максимально близко передать то слово/слова, посредством которых создается образ в сознании Исидора, поэтому не всегда подходящими оказались официально опубликованные переводы. Поэтический перевод не может следовать буквально за текстом оригинала и нередко отходит от него, при этом сохраняя эстетическое воздействие. По этой причине, чтобы сохранить замысел и логику автора, а также чтобы читатель смог проследить их, приходилось создавать переводы, передающие воздействие оригинального текста на читателя переведенного текста.

Поэтические тексты в романе являются немаловажным средством описания характера персонажа, передачи его психоэмоционального состояния, способствуют соприкосновению читателя с его внутренним миром. В процессе „разрушения“ памяти Чагин и актер Эдвард Григ разыгрывают тексты по ролям в домашнем театре. Е. Водолазкин, цитируя Шекспировскую пьесу „Как вам это понравится“, из множества переводов на русский язык выбрал перевод Татьяны Щепкиной-Куперник (1937). В таблице ниже сопоставляется перевод замечательного болгарского переводчика Шекспира Валерия Петрова и специально созданный для целей перевода романа на болгарский язык вариант:

<i>Вот видишь ты: не мы одни несчастны,</i>	<i>* Ти виждаши, драги Жак, че на света</i>	<i>В нещастие не сме сами – ти виждаши.</i>
<i>И на огромном мировом театре</i>	<i>не сме нещастни само ние тук –</i>	<i>На сцената световна има много</i>
<i>Есть много грустных пьес, грустней, чем та,</i>	<i>около нас театърът безкраен</i>	<i>по-тъжни представления от туй,</i>
<i>Что здесь играем мы. (Шекспир, „Как вам это понравится“)</i>	<i>играел много по-печални драми от нашата!</i>	<i>в което ние сме актьори. (перевод М. Панайотовой – неопубл.)</i>
		<i>(перевод Валерия Петрова)</i>

В конкретном случае было существенно, чтобы перевод на болгарском языке соответствовал не шекспировскому оригиналу, а русскому переводу, использованному в тексте романа. По этой причине переводчицей был выбран не официальный перевод Валерия Петрова, а специально созданный для болгарского издания перевод.

К примеру,

<i>Жизнь – только тень бродячая,</i>	<i>Тоз живот е само една нещастна движеца</i>	<i>Животът е само скитаща сянка,</i>
<i>Она – актер несчастный,</i>	<i>се сянка,</i>	<i>нещастен актьор,</i>
<i>Которому отмерен краткий срок...</i>	<i>актьор бездарен, който се явява...</i>	<i>и що за миг се явява...</i>
<i>(Шекспир, „Макбет“)</i>	<i>(перевод Петрова)</i>	<i>(перевод М. Панайотовой – неопубл.)</i>

Руководствуясь принципом сохранения индивидуального стиля поэта, с одной стороны, и сконструированного образа в сознании Чагина, с другой

К вопросу о переводе поэтических текстов в романе Евгения Водолазкина „Чагин“

стороны, который Е. Водолазкин создает на основе этих поэтических фрагментов, переводчицей были сделаны собственные переводы с максимальным сохранением ключевых лексических единиц с целью воссоздания средствами болгарского языка особенностей стиля и формы сообщения:

На мне ж

Анатомията се е

с ума сошла анатомия.

пошегувала с мене.

Сплошное сердце –

Целият съм сърце –

гудит повсеместно.

тупти повсеместно.

(В. В. Маяковский. Взрослое)

Во второй структурной части романа при создании представления о внезапном тяготении к созданию „новаторского произведения“ другого персонажа – Николая Ивановича, сотрудника отдела безопасности Центральной библиотеки и графомана – автор прибегает к средствам пародийной имитации „Лесного царя“ Гете и широко популярного в 50-е годы прошлого века стихотворения „Ленин и печник“ Твардовского. Реминисценции последнего стихотворения неоднократно появляются в романе – в том числе и при описании детства Исидора.

Благодаря сходству звучания морфем при переводе удалось передать аллитерацию:

*Ленин запросто ведь мог сдать
печника в ЧК (недаром эти слова
рифмуются) или в частном порядке
сжечь его в той же, допустим,
печке...*

*Ленин спокойно би могъл да предаде
печкаря на ЧК (не случайно двете думи
се римуват) или лично да изгори в
същата, да речем, **печка**...*

Фамилия *Печниковы* происходит от рода занятия „династии“ печников. Благодаря совпадению корневых морфем в обоих языках удалось сохранить и фамилию *Печникови*, и ремесло *печкар*. Однако немалым вызовом стал перевод дразнилки „Друг сердечный, таракан запечный“, связанной с занятием семьи Николая Ивановича, поскольку следовало сохранить и рифму, и значение фразеологизма „таракан запечный“ (‘обращение к другу, приятелю’). Или хотя бы значение слова *запечный* – ‘находящийся за печью’. Из этих задач удалось решить две – создать рифму и передать общий смысл дразнилки: „*Приятел сърдечен, молец недопечен*“.

Поэтическое слово может служить средством акцентирования индивидуальных черт характера персонажа. Посредством поэтических размышлений персонаж раскрывает свои взгляды на жизнь, мысли и ценности. Со своейственной своему творчеству иронией Е. Водолазкин описывает стихотворные попытки Николая Ивановича, создавшего своеобразное „новаторское художественное произведение“, сочетающее в себя, поэзию, прозу и даже литературную критику. Природа пародии этого „произведения“ вызывала вопросы. Сам персонаж Николай Иванович относится вполне серьезно к своему сочинению. Автор же, обрисовывая его непростой психологический образ, пародирует стихотворение Твардовского „Ленин и печник“ и „Лесного царя“ Гете. Произведение Николая Ивановича создано в рифме. Как известно, главная проблема при переводе рифмованных стихов – это структура поэтического текста, требующая употребления рифм и определённого стихотворного размера. В случае с пародийными стихами точный размер и лексически эквивалентный перевод вряд ли существенен. Основной акцент ставился на воспроизведение главного комического воздействия и настроения „оригинала“, поэтому небольшое отступление от источника приемлемо. В переводе удалось сохранить рифму и общую атмосферу стиха, а также передать иронию. Приведем отрывки из текста:

Тягу дал печник со страху,

Печкарят на пети си плюл

Кривоног, сутул и хил.

изгърбен, кривокрак, с тояга.

Он слыхал, что черепаху

То костенурка – бил дочул,

Не сумел догнать Ахил.

дори Ахил не бил надбягал.

Ленин толк в погонях знает –

А вождът мирен не стоял,

От охранки столько лет

години следван от терор,

Убегал он. Разгоняет

дал мръсна газ и полетял

Черный свой мотоциклет.

на черния си свой мотор.

К вопросу о переводе поэтических текстов в романе Евгения Водолазкина „Чагин“

Отказали руки-ноги.

Мишици, длани не работят

Левым ухом слышит – чу! –

и ухото ляво – хич!

Конь железный по дороге

Кон железен порил пътя

Мчит, подвластен Ильичу.

под контрола на Илич.

Вождь уж виден (парню жутко!) –

Ето вождът се задавал,

Приближается, крича:

приближавал като бич.

„Отчего дрожишь, малютка?

„Ти защо така, другарю,

Ты не бойся Ильича!“

се страхуваш от Илич?“

Сник печник, беспечный малый,

А печкарят паднал духом,

Примирившийся с судьбой.

със съдбата примирен.

Ленин спешился – усталый

Слезнал Ленин – красив тялом,

И красивый сам собой.

от гонитба уморен.

Взял Ильич его, положил,

Илич взел и го положил,

Неживого, на седло.

полумъртъв на седлото.

Но печник в дороге ожил,

Но печкарят се изправил

Улыбнулся веселό.

и се плеснал по бедрото.

Весь обсыпан молочаем,

Цял във репеи печкарят

В комъях грязи, глаз подбит.

казал ѹ с небрежен жест:

„Я у Ленина за чаем

– Позабавих се с другаря,

Засиделся“, – говорит.

с Ленин де, на чай нощес.

Рассуждая об отношениях россиян и европейских народов и подчеркивая русское гостеприимство, Николай Иванович приводит отрывок стихов „неизвестного“ поэта. В переводе так же, как и в стихах о Ленине и печнике, предается рифма и стихотворный размер:

Есть нехоженные тропы
В Забайкальской стороне.
Здесь, наверно, пол-Европы
Поместилось бы вполне.

Пътеки неизбродни има
в Задбалкайските поля.
Вероятно половин Европа
без проблем ще настани.

В романе с темой забвения перекликается тема покаяния. К покаянию Исидор Чагин шел мучительно в течение своей сознательной жизни, когда потеря любви Веры, осознание последствия своего предательства по отношению Вельского и другие события, приводят его к осмыслиению случившегося, к преодолению содеянного, к очищению от совершенных в прошлом грехов (в библейском смысле), к освобождению от памяти. И забвение к Чагину приходит тогда, когда он по-настоящему выстрадал его, когда покаялся.

В конце своей жизни Чагин создает поэму Одиссей“ – текст, по содержанию противоречащий запискам „Дневника“. Поэма „Одиссей“ представляет авторский прием, посредством которого Исидор Чагин стремится „перенаписать“ свою жизнь, точнее ту ее часть, которой стыдится. Он пытается „исправить“ трагические ошибки, лишивших его любви, перевернувшие и его жизнь, и жизнь близких ему людей. По словам автора, “в качестве такой мифологической биографии он пишет гекзаметром поэту “Одиссей“. Как символ пути. И вот он свой жизненный путь пытается в этой поэме не то чтобы описать – придумать.“ (Vodolazkin 2022a) В этой мифологизированной биографии Чагина стирается граница между вымыслом и реальностью. И в „Одиссее“ Исидор уже не упоминает Шлимановский кружок и свое предательство.

Считается, что в древнегреческой поэзии гекзаметр – прекрасный инструмент для создания образа и дальнейшего его раскрытия. Перед переводчиком возник вопрос: „Зачем Чагину было нужно писать поэму „Одиссей“ в гекзаметре?“. В поэме, написанной русским гекзаметром, содержится явная отсылка к древности, к Гомеру, к Трою и Шлиману, с которым Чагин ощущает

своеобразную близость – оба соотносят свою судьбу с судьбой Одиссея. Вот почему отнюдь не случайно решение Исидора Чагина написать одиссею своей жизни в гекзаметре.

Автору же гекзаметр снова нужен для характеристики образа героя, с которым читатель „не встречается“, он не присутствует реально. В „Одисее“ Исидор Чагин усматривает возможность по-другому подытожить свою жизнь. „Именно мифология становится в романе спасением для Исиadora Чагина – выдающегося мнемониста, чья память неспособна вытеснить ни один момент его жизни, даже самый болезненный. Чтобы тяжелые воспоминания не так на него давили, он начинает творить свой мифический мир – и уходит в него.“ (Vodolazkin 2022a).

Болгарский специалист по древнегреческой литературе Богдан Богданов справедливо отмечает, что перевод гекзаметра на болгарский язык неизбежно приводит к отступлению от возможностей оригинала. Не останавливаясь на подробном описании особенностей классического гекзаметра и трудностей его перевода на русский язык, отметим, что они в полной мере относятся к русскому и болгарскому языках, в которых нет оппозиции долготы/краткости гласных звуков. В обоих языках преобладает силлабо-тоническое стихосложение.

По этой причине в обоих языках следует говорить о „конструированном“ гекзаметре, отвечающем особенностям языков. Можно только гадать руководствовался ли Евгений Германович при написании поэмы „Одисей“ в гекзаметре „главнейшими критериями доброго перевода стихами с стихов“, предложенные Тредиаковским, которые гласят: „*Надобно, чтоб переводчик изобразил весь разум, содержащийся в каждом стихе; чтоб не опустил силы, находящийся в каждом же; чтоб слова были свойственны мыслям; чтоб грамматическое сочинение было исправное; чтоб, наконец, состав стиха во всем был правилен, так называемых затычек или пустых бы добавок не было; гладкость бы везде была; вольностей бы мало было, ежели невозмож но без них обойтись*“ (Trediakovskii 1960), однако многие из них подходят и к переводу поэмы на болгарский язык.

Особенностью гекзаметра, упрощенно говоря, является ярко выраженная ритмика, соблюдение шестистопного размера и отсутствие рифмы. Приведем несколько примеров перевода поэмы на болгарский язык с соблюдением этих особенностей. Поясним, что перевод на болгарский язык следует за особенностями оригинального русского поэтического текста:

Рус. *Жизнь в полноте не расскажешь, ведь, даже намерившись твердо*

Не упустить ничего, ни одной самой мелкой детали,

Вдруг замечаешь, что нет в описании некоторых событий –

Слов ли, улыбок, гримас, торопливых шагов, опозданий,

Стука глухого в висках, желваков и вспотевших ладоней.

Помадой, размазанной в спешке, края догорают заката.

Холодом тянет с реки. Деталей таких бесконечность

Взглядом посмертным окинешь – и слёзы, глядишь, высыхают.

Болг. *Не ще да разкажеш живота напълно, дори и да искаши*

да не пропуснеш дори и най-дребен банален детайл,

в миг забелязваш, че някои събития в него отсъстват –

усмивки ли, думи, гримаси, забързани стъпки, терзания,

шума на кръвта в слепоочията, скучите, потните длани.

На залез догарящ безкрайя червилото леко размазано.

Хлад от реката повява. Такива детайли безкрайни

щом с поглед посмъртен погледнеш и сълзите, хон, ще пресъхнат.

Кроме соблюдения метрики и ритма, в отрывке наблюдается большое лексическое сходство, ставшее возможным благодаря родству языков:

И второй пример:

К вопросу о переводе поэтических текстов в романе Евгения Водолазкина „Чагин“

Рус. *Всякий герой умирает – по той лишь, заметим, причине,
Что был в свое время рожден и, достигнув поры совершенства,
В старости начал клониться, светилу дневному подобен,
К закату, к прощанью, к отплытью – в компании грустной Харона,
Скрывая последнюю взятку во рту, небогатом на речи.*

Болг. *Смъртен е всеки герой – дори по едничка причина,
че бил е роден преди време, достигнал е съвършенство,
в напредната възраст поема, подобно на дневно светило,
към залез, към сбогом, отплаване – проводен от мрачния Харон,
понесъл монета в устата, безмълвна на речи навеки.*

В данном примере следует отметить прием конкретизации, предпринятый переводчицей, где, опираясь на миф о перевозчике душ умерших Хароне, произведена замена „взятку“ на монету (обол).

Среди многочисленных исследовательских работ о романном творчестве Евгения Водолазкина мы не нашли анализа роли поэтических текстов в повествовании с точки зрения создания образной характеристики персонажей. Нами сделана скромная попытка затронуть эту тему и развить ее с точки зрения переводческих приемов. Создавая образную характеристику своих героев, автор пользуется широким арсеналом верbalных и неверbalных приемов. К верbalным относятся авторское описание или сама речь персонажа, насыщенная интонацией, темпом, особенностями произношения, грамматическими и прочими индивидуальными нюансами, создающими идиолект. В рассматриваемом романе „Чагин“ кроме перечисленных рифмованным фразам и поэтическим текстам отводится значительное место. С одной стороны, они придают оригинальности, яркости и динамики авторской речи. С другой стороны, играют немаловажную роль для образной характеристики персонажей. Образная же характеристика, основанная на поэтических текстах, в романе „Чагин“ является важным элементом создания литературного портрета персонажей, и при переводе этого произведения необходимо было создать,

сохранить и отразить эквивалентными средствами смысл, который автор оригинала доносит до читателей.

ЛИТЕРАТУРА

- БОГДАНОВ, Б., 1996. *Омировият епос*. София: „Отворено общество“. ISBN: 9545200901
- ВОДОЛАЗКИН, Е. Г., 2022. *Чагин*. Москва: АСТ.
- ВОДОЛАЗКИН, Е., 2022а. *O geroe novogo romana „Chagin“: „У него был выбор от Шлимана до Дефо“*. <https://78.ru/articles/2022-10-31/evgenii-vodolazkin-o-geroe-novogo-romana-chagin-u-nego-bil-vibor-ot-shlimana-do-defo>
- ВОДОЛАЗКИН, Е. Г., 2024. *Чагин*. София: Панорама.
- ТРЕДИАКОВСКИЙ, В.К., 1960. О преводе. В: ЛЕВИН, Ю. Д., ФЕДОРОВ, А. В. (ред.). *Русские писатели о переводе XVIII – XX в.* Ленинград: Советский писатель.

REFERENCES

- BOGDANOV, B. 1996. *Omiroviyat epos*. Vtoro preraboteno i dopülneno izdanie. Sofia: Otvoreno obshtestvo. ISBN: 9545200901 [In Bulgarian]
- TREDIAKOVSKII, V. K., 1960. O prevode. In: LEVIN, YU. D., FEDOROV, A. V. (eds.). *Russkiye pisateli o perevode XVIII – XX v.* Leningrad: Sovetskiy pisatel.
- VODOLAZKIN, E. G., 2022. *Chagin*. Moskva: AST.
- VODOLAZKIN, E., 2022a. *O geroe novogo romana „Chagin“: „Une go bil vibor ot Shlimana do Defo“*. <https://78.ru/articles/2022-10-31/evgenii-vodolazkin-o-geroe-novogo-romana-chagin-u-nego-bil-vibor-ot-shlimana-do-defo>
- VODOLAZKIN, E. G., 2024. *Chagin*. Sofia: Panorama.

ON THE QUESTION OF TRANSLATION OF POETIC TEXTS IN EVGENY VODOLAZKIN'S NOVEL 'CHAGIN'

Abstract. The article deals with the role and function of poetic texts for the creation of figurative characterisation of characters in the novel 'Chagin' by Evgeny Vodolazkin. The research is carried out in the context of the method of comparative analysis of translation. Translation techniques in relation to poetic passages and rhyming phrases are considered. The attention is focused on the poetic meters chosen by the author in order to embody the dominant motifs of the novel *memory – oblivion – repentance* and their translation. The analysis shows that the translation is subordinated to the author's intention in identifying the features of the phenomenal memory of the main character and the mechanisms of memorizing poetic texts.

Keywords: poetic text; translation; rhyme; hexameter; Chagin; Vodolazkin

 Antonia Pencheva, Assoc. Prof.

ORCID iD: 0000-0003-0709-9712

WoS Researcher ID: AAE-7844-2020

Scopus author identifier: 58095195500

University of National and World Economy

Sofia, Bulgaria

E-mail: apencheva@unwe.bg